

Научная статья

УДК 342.56

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.28.9

Подолинский Илья Александрович

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,

i.a.podolinskii@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4537-5140>

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ: ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, раскрывающие содержание принципа добросовестности при реализации права на судебную защиту. Анализируется взаимосвязь конституционных положений, в частности статьи 75.1 Конституции РФ, с процессуальными и материально-правовыми нормами. Цель исследования – выявить механизмы конституционализации принципа добросовестности и их значение для обеспечения баланса интересов участников правоотношений. Методологическую основу составляет сочетание формально-юридического, сравнительно-правового и аксиологического подходов. В работе исследуются ключевые постановления Конституционного Суда РФ (№ 10-П от 10.03.2022 и № 23-П от 02.06.2022), в которых Суд сформировал подход к оценке недобросовестного поведения сторон как основания для ограничения судебной защиты. Автор показывает, что практика Конституционного Суда РФ формирует «живое право», в рамках которого добросовестность становится межотраслевым критерием легитимности судебной защиты и наполняется содержанием одновременно на конституционном, процессуальном и материально-правовом уровнях. Сделан вывод, что проверка добросовестности участников процесса выступает необходимым элементом реализации конституционного права на судебную защиту, укрепляющим доверие к правосудию и обеспечивающим баланс публичных и частных интересов.

Ключевые слова: принцип добросовестности, Конституционный Суд РФ, судебная защита, процессуальные гарантии, конституционализация, злоупотребление правом, живое право, баланс интересов

Для цитирования: Подолинский И.А. Принцип добросовестности в правовых позициях конституционного суда РФ: процессуальное и материальное измерение судебной защиты / И.А. Подолинский. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.28.9 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 4. – С. 113–124.

Podolinsky Ilya Aleksandrovich

University of Tyumen, Tyumen, Russia, i.a.podolinskii@utmn.ru,

<https://orcid.org/0009-0002-4537-5140>

**THE GOOD FAITH PRINCIPLE IN THE LEGAL VIEWS OF THE RUSSIAN
FEDERATION CONSTITUTIONAL COURT: PROCEDURAL AND SUBSTANTIVE
MEASUREMENT OF JUDICIAL PROTECTION**

Abstract. The article examines the legal positions of the Russian Federation Constitutional Court that reveal the meaning of the good faith principle in realizing the right to judicial protection. It analyzes the interconnection between constitutional provisions, particularly Article 75.1 of the Russian Constitution, procedural and substantive legal norms. The aim of the study is to identify the mechanisms of constitutionalization of the good faith principle and their significance in ensuring a balance of interests among participants in legal relations. The methodological framework combines formal-legal, comparative-legal, and axiological approaches. The paper focuses on key rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation (No. 10-P of March 10, 2022, and № 23-P of June 2, 2022), in which the Court shaped an approach to assessing bad faith behavior of parties as grounds for limiting judicial protection. The author shows that the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation forms a “living law” in which good faith becomes an interdisciplinary criterion of the legitimacy of judicial protection and is filled with content simultaneously at the constitutional, procedural and substantive levels. It is concluded that judicial review of good faith is an essential element of the constitutional right to judicial protection, strengthening trust in the judiciary and ensuring the balance of public and private interests.

Keywords: principle of good faith, Constitutional Court of the Russian Federation, judicial protection, procedural guarantees, constitutionalization, abuse of rights, living law, balance of interests

For citation: Podolinsky I.A. The Good Faith Principle in the Legal Views of the Russian Federation Constitutional Court: Procedural and Substantive Measurement of Judicial Protection. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 4, pp. 113–124 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.28.9.

Введение. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) играют ключевую роль в развитии национального права, обеспечивая его соответствие Конституции РФ и адаптацию к меняющимся общественным условиям. КС РФ, осуществляя конституционное судопроизводство, формирует уникальную практику, которая выходит за пределы классического

правоприменения и формулирует правовые позиции, способные влиять на законодательство, судебную практику и правовую систему в целом. Значимость правовых позиций КС РФ заключается в их способности устранять правовые неопределенности и обеспечивать защиту конституционных прав граждан [1, с. 9].

Особую актуальность исследование данного вопроса приобретает в условиях растущей динамики правового регулирования, которая порождает новые вызовы для судебной системы [2, с. 320]. Как представляется, задача КС РФ своевременно реагировать на такие вызовы посредством реализации своих правотворческих полномочий [3, с. 140]. В этой связи и сегодня актуальны идеи Ганса Кельзена, видевшего в правотворчестве судов истинный смысл судебной власти, которая не должна сосредотачиваться только на разрешении споров [4, с. 78].

В схожем ключе Д. Е. Богданов, анализируя взаимодействие правовой и судебной доктрин, указывает на постмодернистскую тенденцию к формированию «живого права», которое развивается сквозь судебную практику и обеспечивает трансляцию этических стандартов – прежде всего добросовестности – в позитивное регулирование [5, с. 109–110]. Именно эта логика прослеживается и в правовых позициях Конституционного Суда РФ: судебный контроль за добросовестностью участников процесса служит не формальной процедурной проверкой, а механизмом оживления права через ценностное содержание, делающим конституционную гарантию судебной защиты реально работающей.

В то же время правовые позиции КС РФ не всегда воспринимаются однозначно, что порождает дискуссии о пределах его правотворческой функции. Для более глубокого понимания сущности и значения современных правовых позиций КС РФ автором проведен анализ ст. 75.1 Конституции РФ и актуальной судебной практики КС РФ по разрешению знаковых правовых вопросов через призму принципа добросовестности.

1. Конституционно-правовое значение принципа добросовестности.

Обращаясь к принятой в 2020 году статье 75.1 Конституции РФ, следует отметить ее значительное влияние на преобразование правового ландшафта, направленное на формирование условий для укрепления доверия между государством и обществом. Закрепленные в статье положения, такие как защита достоинства граждан, уважение труда и обеспечение сбалансированности прав и обязанностей, оказывают непосредственное влияние на различные аспекты правоприменения, включая процессуальные отношения. Как видится, эти идеи тесно пересекаются с принципом добросовестности, который становится важным ориентиром для достижения декларируемых целей.

В этом плане справедливы утверждения Аарона Барака о том, что судья не может применять право без таких принципов, как уважение человеческого достоинства и обеспечение справедливого баланса между интересами сторон, что требует от судьи добросовестного подхода к оценке обстоятельств и участников процесса [6, с. 64]. С.С. Алексеев также отмечал, что, если право игнорирует баланс интересов, система неизбежно потеряет свою легитимность [7, с. 127].

Добросовестность в процессуальных отношениях (ст. 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)), понимаемая как обязанность сторон действовать открыто, честно, последовательно и непротиворечиво, получает новое содержательное осмысление в свете статьи 75.1 Конституции РФ. Ввиду упоминания в конституционном тексте таких категорий, как «достоинство граждан», «сбалансированность прав и обязанностей» и «социальное партнерство», подчеркивается необходимость учета судом не только формальной законности действий участников, но и их соответствия фундаментальным принципам справедливости и социальной солидарности. В этом контексте Г.А. Гаджиев полагает необходимым разработку учения «о юридической капитализации страны», важной составляющей которой являются конституционные принципы, которые включают и принцип добросовестности [8, с. 19].

Как видится, закрепление в Конституции РФ понятий достоинства, сбалансированности прав и обязанностей и социального партнёрства изменяет саму основу понимания процессуальной добросовестности. Она уже не сводится к формальной обязанности сторон действовать последовательно и без злоупотреблений, а становится показателем качества судебной процедуры в целом, её способности обеспечивать доверие к суду и реальную справедливость. В этом контексте правосудие оценивает не только корректность процессуальных действий, но и их соответствие фундаментальным целям правопорядка. Именно поэтому добросовестность выступает не инструментом контроля в узком смысле, а критерием легитимности судебной защиты как конституционной гарантии.

Введение статьи 75.1 Конституции РФ в качестве гарантии для граждан усиливает ответственность государства за создание условий, при которых процессуальные права гражданина на судебную защиту реализуются не только эффективно, но и в условиях уважения к его человеческому достоинству [7, с. 92]. Это означает, что суды обязаны учитывать не только формально-правовые аспекты споров, но и квалифицировать поведение сторон на предмет соответствия их принципу добросовестности. В этой связи небезоснователен тезис Л.В. Зайцевой и Н.В. Суховой о том, что процессуальные правовые институты сейчас переживают процесс смещения баланса с традиционного права на формальный процесс в сторону современной потребности в безопасности, эффективной защиты прав и общих интересов, облегчения доступа к правосудию [9, с. 190].

Вышеприведенное смещение, о котором пишут Л.В. Зайцева и Н.В. Сухова, отражает переход от права, понимаемого как набор формальных конструкций, к праву, функционирующему как механизм охраны общих интересов и обеспечения доверия к правосудию. Возникает новая аксиоматика: эффективность процесса оказывается равнозначной не скорости или внешней корректности процедур, а способности процессуальных институтов укреплять легитим-

ность судебной власти. Добросовестность в таком измерении выступает не просто предписанием «не злоупотреблять правами», но критерием того, насколько процессуальная активность сторон и решений суда соразмерна интересам общества и принципам справедливости.

В этом контексте конституционная норма наполняет процесс аксиологическим содержанием: судебная защита должна одновременно отвечать потребности индивида в безопасности и интересу общества в доверии к правосудию. Сдвиг баланса от «формы ради формы» к «форме как гарантии ценностей» выражает не случайную тенденцию, а системное изменение правового сознания и характера самого процесса.

Право на судебную защиту, закрепленное в статье 46 Конституции РФ, приобретает более глубокое измерение в свете статьи 75.1 Конституции РФ, поскольку реализация этого права неизбежно связана с процессуальной добросовестностью. Добросовестная реализация права на судебную защиту предполагает, что участники процесса не должны использовать доступ к правосудию для достижения неправомерных целей или препятствий для других субъектов процесса. Например, недобросовестное заявление требований, заведомое введение суда в заблуждение или использование процессуальных механизмов защиты для получения необоснованных преимуществ не только нарушают права других лиц, но и искажают назначение судебной системы как инструмента справедливого разрешения споров. Как отмечал Рудольф фон Иеринг, правопорядок должен исключать возможность использования права как оружие для несправедливости [10, с. 58].

Именно поэтому использование процессуальных прав вопреки их назначению нельзя рассматривать как реализацию субъективного права: в подобных случаях речь идёт о деформации самой цели правосудия. Процессуальные механизмы создаются для того, чтобы обеспечить справедливое, своевременное и эффективное рассмотрение споров, а не для воспрепятствования судебной деятельности или извлечения необоснованных выгод. Когда участник обращается к суду не ради защиты нарушенного права, а ради затягивания процесса, давления на другую сторону или получения процессуального преимущества, он вступает в противоречие с публичными интересами правосудия, подрывает баланс прав и обязанностей и снижает доверие к судебной системе. В таких случаях обязанность суда выявлять недобросовестность становится не факультативной, а необходимой гарантийной мерой, без которой сама конституционная гарантия судебной защиты утратила бы реальное значение для правопорядка.

Представляется, что статья 75.1 Конституции РФ создает дополнительные основания для судебного контроля за добросовестностью участников процесса. Она подчеркивает необходимость обеспечения социального партнерства и доверия в отношениях между гражданами, обществом и государством. Это означает, что суды должны интерпретировать материальные и процессуальные

нормы таким образом, чтобы исключить защиту требований, основанных на недобросовестном поведении.

2. Правовые позиции Конституционного Суда РФ о добросовестности.

Соглашаясь с А.Ю. Бушевым о том, что выявление смысла конституционных принципов в их взаимосвязи с отраслевыми осуществляется именно Конституционным судом РФ [11, с. 158], в качестве яркого примера вышеприведенного тезиса следует привести Постановление КС РФ от 10.03.2022 г. № 10-П¹, в котором суд посредством анализа специфики трудовых отношений, детализировал недопустимость защиты требований, основанных на злоупотреблении правом. Суд указал, что трудовые отношения характеризуются экономическим и организационным неравенством сторон, где работник как слабая сторона подчиняется распорядительной и дисциплинарной власти работодателя. В связи с этим суды обязаны удостоверяться в наличии или возникновении трудовых отношений между сторонами, чтобы исключить защиту фиктивных требований.

В рассматриваемом Постановлении КС РФ также подчеркнул, что отсутствие механизма предотвращения недобросовестного поведения создает правовые дисбалансы. В случаях, когда денежные средства взыскиваются под видом заработной платы или иных выплат, вытекающих из трудовых отношений, при их фактическом отсутствии, это приводит к необоснованным преимуществам для лиц, злоупотребляющих правом. Такое поведение нарушает права и законные интересы других участников правоотношений, включая работодателей. В подтверждение своей позиции КС РФ сослался на Определение № 2644-О от 14 декабря 2021 года², в котором указал, что защита закона и суда не может распространяться на требования, основанные на недобросовестности. Противоположная ситуация, при которой суды защищали бы требования, основанные на недобросовестном использовании правовых механизмов, противоречила бы основам правового государства и назначению правосудия.

В этой связи КС РФ пришел к выводу, что запрет на поворот исполнения вступившего в законную силу решения суда не может применяться в случаях, когда притязания основаны на недобросовестном использовании юридических возможностей. Следовательно, использование процессуальных гарантий, уста-

¹ По делу о проверке конституционности абзаца второй части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Н. Елисеева : Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2022 № 10-П // Российская газета. 2022. 31 марта.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клочковой Людмилы Васильевны на нарушение ее конституционных прав статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2021 № 2644-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

новленных для трудовых отношений (абз. 2 ч. 3 ст. 445 ГПК РФ) при их фактическом отсутствии должно исключаться из сферы судебной защиты.

В данном решении Конституционный Суд акцентировал внимание не на абстрактном равенстве сторон, а на их фактическом положении в сфере трудовых отношений, где работник выступает слабой стороной. Тем самым Суд показал, что понятие «трудовые отношения» не может сводиться к формальной фиксации договора или заявленного требования: оно должно подтверждаться наличием реальной социально-экономической связи между сторонами. Иначе правовая система воспроизводит фикции, которые не только подрывают доверие к правосудию, но и трансформируют процессуальные гарантии в инструмент недобросовестного обогащения. Методологически этот пример демонстрирует, что толкование конституционных принципов требует перехода от формально-правового к содержательному критерию: суд не отвергает текст закона, но раскрывает его через реальное назначение права – защиту добросовестного интереса.

Более того, положения статьи 75.1 Конституции РФ, направленные на достижение социальной солидарности и баланса интересов, требуют пересмотра традиционного подхода к процессуальным взаимоотношениям. В условиях, когда процессуальные права сторон рассматриваются как элементы общей системы социальной справедливости, их реализация должна быть ориентирована не только на защиту личных интересов, но и на соблюдение общих принципов правопорядка.

В качестве подтверждения данного тезиса ориентиром может являться Постановление КС от 2 июня 2022 года № 23-П³, в котором КС РФ интерпретировал абзац второй пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в контексте его конституционно-правового смысла, выявив необходимость четкого и однозначного формулирования оснований для одностороннего расторжения договора краткосрочного коммерческого найма жилого помещения. Такое толкование напрямую влияет на судебную практику, задавая обязательный вектор правоприменения, что фактически является созданием новой, обязательной для судов правовой позиции.

Немаловажным является то, что в приведенном Постановлении КС РФ указал, что диспозитивность или императивность нормы определяется не только ее текстуальным содержанием, но и сущностью законодательного регулирования и балансом интересов сторон. КС РФ сформулировал позицию, согласно которой условия одностороннего расторжения договора найма наймодате-

³ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной : Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2022 № 23-П // Российская газета. 2022. 17 июня.

лем должны быть сформулированы таким образом, чтобы исключить неопределенность и произвольное применение.

В этой связи КС РФ подчеркнул важнейшую правовую идею о том, что при разрешении споров, связанных с односторонним расторжением договора, суды обязаны анализировать правоотношения и обстоятельства на предмет добросовестного поведения сторон. Суд указал, что принцип добросовестности, закрепленный в пункте 4 статьи 1 ГК РФ, является конституционно значимым и должен применяться при оценке условий договора и действий сторон. Несоблюдение этого принципа может привести к нарушению прав сторон, что не соответствует требованиям Конституции РФ.

КС РФ указал, что добросовестность в качестве доказательственного факта должна рассматриваться как презумпция, которая действует до тех пор, пока противоположная сторона не докажет обратное. Обязательный судебный анализ добросовестности, в свою очередь, предполагает исследование фактических обстоятельств дела, включая личные обстоятельства сторон, специфические условия договора и поведение участников правоотношений. Принцип добросовестности в данном случае выступает не только как инструмент защиты слабой стороны договора, но и как средство поддержания равновесия интересов участников гражданского оборота.

Идея активного характера процессуальной добросовестности, обоснованная А.М. Еловым [12, с. 4–5], прямо корреспондирует с вышеприведенной позицией Конституционного Суда РФ: анализ фактических обстоятельств и поведения сторон признаётся обязательным условием реализации права на судебную защиту. В этой связи научная доктрина и конституционная юрисдикция сходятся в том, что формального соблюдения процессуальных предписаний недостаточно – требуется позитивное содействие участника в достижении целей правосудия.

Необходимость анализа добросовестности связана с реализацией одного из основополагающих конституционных прав – права на судебную защиту (статья 46 Конституции РФ). Отказ суда от такой оценки означал бы отказ в судебной защите [13, с. 232], что угрожало бы доступности правосудия для граждан. КС РФ отметил, что в случае отсутствия анализа добросовестности наниматель, как потенциально более слабая сторона правоотношений, мог бы лишиться своего права на защиту, что недопустимо в конституционном правопорядке. В этом смысле стоит согласиться с С.К. Соломиным и Н.Г. Соломиной о том, что суд, отказывая в защите права одному лицу (недобросовестному) по причине злоупотребления правом, защищает право другого лица (добросовестного) [14, с. 24].

Как справедливо отмечает И.В. Решетникова, принцип добросовестности в процессуальном праве охватывает не только поведение сторон, но и деятельность суда, являясь межотраслевым нормативным требованием [15, с. 54–55]. Эта характеристика согласуется с современными правовыми позициями КС РФ,

в которых анализ добросовестности сторон выводится на уровень конституционной гарантии права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ). Как следствие, закреплённая Конституцией РФ ценность сбалансированности прав и обязанностей (ст. 75.1) получает в доктрине процессуального права конкретизацию через принцип добросовестности, что свидетельствует о тесной взаимосвязи отраслевой и конституционной интерпретации данного принципа.

Заключение. Основные результаты проведенного исследования можно сформулировать в виде следующих выводов:

1) При толковании статьи 75.1 Конституции РФ обнаруживаются ценностные ориентиры, прямо соотносимые с принципом добросовестности: уважение достоинства личности, сбалансированность прав и обязанностей, социальное партнёрство. Это обосновывает его интерпретацию не только как отраслевого стандарта поведения сторон, а как элемента конституционно-правового содержания судебной защиты.

2) Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (Постановления № 10-П от 10.03.2022 и № 23-П от 02.06.2022) свидетельствуют о развитии «живого права», в рамках которого судебная практика не только устраняет злоупотребления, но и задаёт ценностные ориентиры для толкования отраслевых норм. Добросовестность тем самым выступает межотраслевым критерием легитимности судебных решений и процессуальных гарантий.

3) Проверка судом поведения сторон на предмет добросовестности становится необходимым элементом реализации конституционного права на судебную защиту. Такой подход укрепляет доверие к судебной системе и формирует новое качество судебного процесса, где доступность правосудия означает не только формальную возможность обращения в суд, но и гарантированное обеспечение справедливости и равновесия интересов.

Таким образом, рассмотренные правовые позиции КС РФ и нововведения в Конституцию РФ отражают процесс конституционализации частноправовых норм при их применении судами. Как отмечали Г.А. Гаджиев и В.Д. Зорькин, в основе этого процесса лежит объективная система ценностей, включающая гражданский мир и согласие, уважение достоинства личности, соразмерность ограничений прав и свобод, сбалансированность прав и обязанностей, а также социальную солидарность. Правовые позиции КС РФ демонстрируют, что судебное правотворчество становится не только инструментом разрешения конкретных споров, но и механизмом системного уточнения смысла гражданско-правовых норм в конституционно-правовом измерении. Добросовестность при этом выступает связующим принципом между отраслевым и конституционным уровнями регулирования: судебный анализ недобросовестного поведения сторон закрепляется как необходимое условие легитимности процессуальных решений.

В этом проявляется развитие так называемого «живого права»: принцип добросовестности перестаёт быть декларацией и получает реальное содержание одновременно на конституционном, процессуальном и материально-

правовом уровнях. Для правоприменителя это означает наличие чётких ориентиров: в процессуальной сфере – исключение злоупотреблений и обеспечение равноправия сторон; в конституционной – сохранение доверия и баланса интересов; в материальной – корректировка поведения участников гражданского оборота по критериям честности и справедливости. Такая многослойность наполняет принцип добросовестности конкретными функциями и позволяет судебной практике переходить от формальных предписаний к ценностно-ориентированным решениям.

Тем самым формируется принципиально новое качество судебной защиты: доступность правосудия понимается не только как формальная возможность обращения в суд, но и как гарантированное обеспечение справедливого и добросовестного разрешения спора, что утверждает доверие к правосудию и укрепляет основы правового государства.

Выводы настоящей статьи открывают значительный исследовательский потенциал: требуется дальнейшее изучение соотношения добросовестности с другими конституционными ценностями (достоинством, справедливостью, социальной солидарностью), проведение сравнительного анализа российской и зарубежной практики, а также выявление возможностей интеграции принципа добросовестности в цифровые и процессуальные инновации. Тем самым формируется самостоятельное направление исследований, способное обогатить современную юридическую науку и закрепить добросовестность как универсальный регулятивный, коммуникативный и аксиологический принцип права.

Список источников

1. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 3–9.
2. Дворкин Р. Империя права / Р. Дворкин ; пер. с англ. – Москва : Норма, 2004. – 320 с.
3. Межеккей А.В. Судебное правотворчество в современной России : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.1 / А.В. Межеккей. – Москва, 2023. – 180 с.
4. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сб. пер. Вып. 1 / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович ; пер. С.В. Лезова, Ю.С. Пивоварова. Москва : АН СССР ИНИОН, 1987. – 198 с.
5. Богданов Д.Е. Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины / Д.Е. Богданов // Lex russica. – 2021. – Т. 74, № 11. – С. 102–123.
6. Барак А. Судебное усмотрение / А. Барак ; пер. с англ. – Москва : Норма, 1999. – 364 с.
7. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – Москва : Статут, 1999. – 709 с.

8. Гаджиев Г.А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2022. – № 1. – С. 16–28.

9. Зайцева Л.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы процессуального доказывания / Л.В. Зайцева, Н.В. Сухова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Том 9, № 1. – С. 189–204.

10. Иеринг Р. фон. Борьба за право / Р. фон Иеринг ; перевод с 11-го немецкого издания И. Юровского. – Санкт-Петербург : Типография Брауде, 1895. – 96 с.

11. Бушев А.Ю. Принцип добросовестности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: к юбилею Гадиса Абдуллаевича Гаджиева / А.Ю. Бушев // Закон. – 2023. – № 9. – С. 156–169.

12. Елоев А.М. Понятие процессуальной добросовестности в арбитражном судопроизводстве / А.М. Елоев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 9. – С. 3–7.

13. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности / К.И. Скловский. – 4-е изд., доп. – Москва : Статут, 2019. – 278 с.

14. Соломин С.К. Добросовестность в гражданском праве : монография / С.К. Соломин, Н.Г. Соломина. – Москва : Юстицинформ, 2018. – 143 с.

15. Решетникова И.В. Многоликая добросовестность в процессуальном праве / И.В. Решетникова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 2. – С. 54–60.

References

1. Zorkin V.D. The Precedent Nature of the Constitutional Court of the Russian Federation Decisions. *Journal of Russian Law*, 2004, no. 12, pp. 3–9. (In Russian).

2. Dworkin R. Law's Empire. Transl. from English. Moscow, Norma, 2004. 320 p. (In Russian).

3. Mezhekey A.V. Judicial Law-Making in Contemporary Russia. *Cand. Dis.* Moscow, 2023. 180 p. (In Russian).

4. Kudryavtsev V.N., Razumovich N.N. (eds.). Pure Theory of Law. Collection of Translations. Vol. 1. Moscow, USSR Academy of Sciences, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION), 1987. 195 p. (In Russian).

5. Bogdanov D.E. Postmodernity in Russian Private Law: Interaction of Legal and Judicial Doctrine. *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 11, pp. 102–123. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.102-123. (In Russian).

6. Barak A. Judicial Discretion. Transl. from English. Moscow, Norma, 1999. 376 p. (In Russian).

7. Alekseev S.S. Law. Alphabet – Theory – Philosophy. Experience of a Comprehensive Study. Moscow, Statut, 1999. 712 p. (In Russian).

8. Gadzhiev G.A. New Constitutional Values: The Concept of Sustainable Economic Growth from the Legal Capitalization Perspective. *Journal of Russian Law*, 2022, no. 1, pp. 16–28. (In Russian).
9. Zaitseva L.V., Sukhova N.V. Electronic Evidence in Civil Proceedings: Procedural Proof Issues. *Herald of Civil Procedure*, 2019, no. 1, pp. 189–204. (In Russian).
10. Jhering R. von. The Struggle for Law. St. Petersburg, Printing House of Ya. Trey, 1895. 96 p. (In Russian).
11. Bushev A.Yu. The Principle of Good Faith in the Judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation: on the Anniversary of Gadis Abdullaevich Gadzhiev. *Statute*, 2023, no. 9, pp. 156–169. (In Russian).
12. Eloev A.M. The Concept of Procedural Good Faith in Arbitration Proceedings. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2023, no. 9, pp. 3–7. (In Russian).
13. Sklovsky K.I. Transaction and Its Effect. Commentary on Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation. The Principle of Good Faith. 4th ed. Moscow, Statut, 2019. 464 p. (In Russian).
14. Solomin S.K., Solomina N.G. Good Faith in Civil Law. Moscow, Yustitsinform, 2018. 68 p. (In Russian).
15. Reshetnikova I.V. The Many Faces of Good Faith in Procedural Law. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2024, no. 2, pp. 54–60. (In Russian).

Информация об авторе

Подолинский Илья Александрович – аспирант, ассистент академического департамента Школы права и управления

Information about the Author

Podolinsky Ilya Alexandrovich – Postgraduate Student, Teaching Assistant of the Academic Department of the School of Law and Governance

Статья поступила в редакцию 22.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 02.12.2025.

The article was submitted 22.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 02.12.2025.